

*Посвящается папе.
А также С.*

Глава 1

Глаза жены пугают меня. Она не видит внешнего мира, а люди — ее внутреннего. Серьезно, на ее лице будто камни — серые, как морская галька. Посмотрите на нее. Вот она сидит на краю кровати, сбросив ночную сорочку на пол, перекатывает между пальцами стеклянный шарик Мухаммеда и ждет, когда я помогу ей одеться. Неторопливо облачаюсь в рубашку и брюки, потому что устал от этой обязанности — одевать жену. На животе у нее складки — цвета дикого меда, темнее в ложбинках. Грудь покрывают тонкие-тонкие серебристые линии, а на подушечках пальцев заметны крохотные надсечки — прежде в этих рельефах оседала синяя, желтая, алая краска. Когда-то моя жена смеялась так, будто золото переливалось, и этот смех я не только слышал, но и словно видел. Взгляните сами — мне кажется, она исчезает.

— Ночью мне снилась какая-то кутерьма, — сказала она. — Сны заполнили всю комнату.

Взгляд жены застывает, она смотрит в какую-то точку слева от меня.

— Что это еще значит? — спрашиваю я, и к горлу подкатывает ком.

— Они рассыпались. Мои сны были повсюду. Я не понимала, сплю я или нет. Так много образов, что они наводнили комнату не хуже пчел, в комнате будто роились пчелы. Не вдохнуть. Я проснулась и стала молиться: прошу, не дай мне голодать.

Нахмурившись, я посмотрел на жену. Ее лицо было лишено эмоций. Я не стал говорить ей о своем сне, всегда одном и том же, — сне об убийстве. Там только мы с тем мужчиной. В моей руке бита, из ладони сочится кровь. Он лежит на земле под нависшими кронами деревьев. Губы его шевелятся, но я ничего не слышу.

— И еще мне больно, — говорит она.

— Где?

— Резь в глазах. Острая боль.

Встаю перед женой на колени и смотрю ей в глаза. Я боюсь той пустоты, что встречаю там. Достая из кармана телефон и включаю фонарик. Зрачки расширяются, когда я направляю свет ей в глаза.

— Хоть что-нибудь видишь? — спрашиваю я.

— Нет.

— Тень, а может, изменение оттенка или цвета?

— Только темноту.

Кладу телефон в карман и отступаю на шаг.

ХРАНИТЕЛЬ ПЧЕЛ ИЗ АЛЕППО

С тех пор как мы приехали сюда, жене стало хуже. Кажется, что понемногу истончается сама ее душа.

— Ты можешь отвезти меня к врачу? — спрашивает она. — Боль просто нестерпимая.

— Конечно, — говорю я. — Уже скоро.

— Когда?

— Как только мы получим документы.

Я рад, что Аффа не видит этого места. Хотя ей понравились бы чайки, их энергичный полет. Алеппо не так близок к морю. Да, скорее всего, она бы не отказалась увидеть птиц и побережье, поскольку выросла у воды. Я же сам из восточной части Алеппо, где город встречается с пустыней.

Переехав ко мне после свадьбы, Аффа тосковала по морю. Она рисовала воду, где бы ни увидела ее. Среди засушливого плато, на котором в основном расположена Сирия, попадаются оазисы, ручейки и речки, впадающие в болота или озера. До рождения нашего сына Сами мы повсюду искали воду, чтобы Аффа могла запечатлеть ее масляными красками. Я бы хотел вновь увидеть одну из картин жены — пейзаж с рекой Кувейк. Она изображена так, словно в городском парке вышла из строя ливневая канализация. Аффа умела проникнуть в суть пейзажа. Вид убогой речушки напоминает о стремлении выжить. Километров

через тридцать к югу от Алеппо река прекращает всякую борьбу с суровой сирийской степью и постепенно переходит в топи.

Глаза жены пугают меня. Но не знаю, как бы она приняла эти сырые стены, провода на потолке и рекламные щиты. Один такой щит за окнами как раз сообщает, что нас слишком много, что остров провалится под нашим весом. Пожалуй, я рад, что Афра ослепла. Знаю, как это звучит. Если бы я мог дать ей ключ от другого мира, то пожелал бы, чтобы к ней вернулось зрение. Но это должно быть совершенно иное место: где солнце восходит, касаясь лучами стен древнего города, а за ними, как пчелиные соты, простираются кварталы, дома, квартиры, отели, узкие переулки и рынок под открытым небом; где переливаются на свету тысячи камней, а дальше лежит пустыня в россыпях золота и алых покрывалах.

В том мире был бы Сами, бегущий с улыбкой по переулкам в своих грязных кроссовках, зажав в кулаке мелочь, чтобы купить молока. Я стараюсь не думать о Сами. А вот Мухаммед... Я все еще жду, что он найдет письмо и деньги, которые я оставил под банкой «Нутеллы». Возможно, однажды в дверь постучат, я увижу Мухаммеда на пороге и скажу: «Как же ты добрался сюда, дружок? Откуда узнал, где нас искать?»

Вчера в запотевшем зеркале общей душевой я увидел мальчика. Он был в черной фут-

болке. Когда же я обернулся, то на унитазе всего-навсего сидел один из постояльцев, марокканец.

— Тебе следует закрывать дверь, — сказал он на диалекте арабского.

Имени его не помню, но знаю, что этот мужчина родом из деревни рядом с Тазой, у подножия гор Эр-Риф. Прошлым вечером он рассказал, что его могут отправить в центр по высылке из страны, место под названием «Ярлз Вуд», — об этом намекнула представительница соцслужбы. Сегодня моя очередь с ней встречаться. Марокканец говорит, что она очень красивая и похожа на танцовщицу из Парижа, с которой он однажды переспал в отеле Рабата, еще до женитьбы. Когда он спросил меня о жизни в Сирии, я рассказал о своей пасеке в Алеппо.

По вечерам хозяйка гостевого дома угощает нас чаем с молоком. Марокканцу лет восемьдесят, а может, все девяносто. Дряхлый старик, кожа да кости. Обычно он читает книгу «Как быть британцем» и ухмыляется себе под нос. Держит на коленях телефон и после каждой страницы поглядывает на экран, правда никто и никогда ему не звонит. Не знаю, кого он ждет или почему решил на долгую дорогу в столь преклонном возрасте: вид у него такой, будто он находится на пороге смерти. И всегда возмущается тем, что неверные мочатся стоя.

В этом убогом гостевом доме на берегу моря нас человек десять: все приехали из разных мест, все чего-то ждут. Нас могут оставить или отправить восвояси, мы-то уже ничего не решаем: по какой пойти дороге, кому довериться, придется ли вновь взяться за битую и убить человека. Это в прошлом. Скоро и воспоминания испарятся, словно вода.

Достаю из шкафа абайю¹ Афы. Жена слышит шорох и встает, поднимая руки. Она заметно постарела, а ведет себя как ребенок. Волосы Афы по цвету и на ощупь напоминают песок — с тех пор как мы перекрасили их для фотографии на паспорт, осветлив прежнюю арабскую шевелюру. Я закручиваю их в тугий узел и оборачиваю вокруг ее головы хиджаб, закрепляя заколками, а жена, как всегда, направляет мои пальцы.

Работница соцслужбы придет в час дня, встречи с ней проходят в кухне. Она будет спрашивать, как мы попали сюда. Станет искать причину отправить нас обратно. Но если я буду выбирать слова, если смогу убедить ее, что я не убийца, тогда останемся здесь — счастливы, поскольку приехали из самой преисподней. Марокканец не столь везучий, ему придется найти более веские аргументы. Он сидит

¹ *Абайя* — длинное традиционное арабское женское платье.

в гостиной у стеклянных дверей и бережно держит в руках бронзовые карманные часы, словно инкубаторное яйцо. Он смотрит на циферблат и ждет. Вот только чего?

Завидев меня, он говорит:

— Не работают, понимаешь ли. Остановились совсем в ином времени.

Марокканец поднимает эти застывшие часы за цепочку и легонько раскачивает, а я смотрю, как блестит на свету

бронза

накрыла город под нами. Мы жили на холме, в домике с двумя спальнями. С высоты нам открывалось море разномастных крыш с чудесными куполами, минаретами и видневшейся вдалеке цитаделью.

Нам нравилось сидеть весной на веранде: мы вдыхали ароматы пустыни и любовались, как опускалось за горизонт красное солнце. Летом мы прятались в доме: включали вентилятор, наматывали на голову мокрое полотенце и опускали ноги в тазик с холодной водой, поскольку кругом стояло пекло. В июле земля трескалась от засухи, но в нашем саду всегда росли абрикосы, миндальные деревья, тюльпаны, присы и рябчики.

Когда пересыхала река, я спускался к пруду, чтобы набрать воды для полива сада. В августе мы словно пытались воскресить мертвое

тело: все кругом погибало, сливаясь с пустыней. Стоило появиться небольшой прохладе, и мы выходили на прогулку, наблюдая за парящими в небе ястребами.

В моем саду стояло четыре улья, один поверх другого, остальные же находились в поле на восточной окраине Алеппо. Мне не нравилось оставаться вдалеке от них. Я просыпался ни свет ни заря, еще до призыва муэдзина к молитвам. Ехал тридцать миль до пасеки, добираясь туда с первыми лучами солнца. Поля были залиты мягким светом, на одной чистой ноте гудели пчелы.

Они казались мне идеальным сообществом, крошечным раем среди хаоса. Рабочие насекомые улетали подальше в поисках пищи. Они собирали нектар с цветков лимона и клевера, семян чернушки и аниса, эвкалипта, хлопка, терновника и вереска. Я заботился о пчелах, подкармливал их, следил, нет ли болезней или паразитов. Иногда строил новые ульи, делил колонии и выращивал королев — брал личинок из чужой колонии и смотрел, как пчелы-кормилицы давали им маточное молочко.

Позже, в сезон сбора урожая, я проверял, сколько меда произведено в ульях, ставил соты в медогонку и наполнял бочонки, соскребая с низа рамок остатки золотистого нектара. Я защищал пчел, следил за тем, чтобы они были

ХРАНИТЕЛЬ ПЧЕЛ ИЗ АЛЕППО

сильными, здоровыми и способными справиться со своей работой — производить мед и опылять поля, обеспечивая нам жизнь.

С пчеловодством меня познакомил мой кузен Мустафа. Его отец и дед занимались пчелами в зеленых долинах к западу от хребта Антиливанских гор. Мустафа соединял в себе ум гения и сердце мальчишки. Он много учился и стал преподавать в университете Дамаска, исследуя состав меда. Поскольку он находился в разъездах между Дамаском и Алеппо, то попросил меня заниматься пасеками. От него я многое узнал о пчелах, их поведении и способах манипуляции ими. Из-за жары они становились агрессивными, но Мустафа научился понимать их. Когда на летние месяцы университет закрывался, кузен приезжал в Алеппо. Мы усердно работали и в итоге стали мыслить как пчелы и даже ели как пчелы! В сильный зной нам помогала пыльца, смешанная с медом.

В самом начале нашей совместной работы — тогда мне было двадцать — мы делали ульи из растительных материалов, смешивая их с глиной. Позже заменили пробку и керамику на деревянные ящики. Вскоре у нас уже насчитывалось свыше пятисот колоний! Наши пчелы давали как минимум десять тонн меда в год. Их было множество, и благодаря им

я чувствовал себя живым. Вдали от них мне казалось, будто закончился огромный праздник. Годы спустя Мустафа открыл магазин в новой части города. Кроме меда, он продавал и косметику на его основе, ароматные кремы и мыло, средства для волос — и все от наших пчел. Бизнес он открыл для своей дочери. Уже в детстве она мечтала изучать сельское хозяйство, желая пойти по стопам отца. Мустафа назвал это место «Рай Аيي» и пообещал передать дело ей, если она будет хорошо учиться. Девочке нравилось бывать там, вдыхать сладкие запахи, втирать в ладони крем. Для своего возраста Айя была довольно смышленной. Как-то раз она сказала: «В мире пахло бы как в нашем магазине, не будь в нем людей».

Мустафа не искал спокойной жизни. Он всегда стремился учиться новому, создавать большее. Еще ни в ком я не видел подобного качества. Наше совместное дело росло, появились крупные клиенты из Европы, Азии, с Залива, но именно я присматривал за пчелами, Мустафа доверил все мне. По его словам, я обладаю несвойственной мужчинам чуткостью, понимаю ритмы жизнедеятельности и образ поведения пчел. Кузен оказался прав. Я научился слушать их, говорил с ними, как с единым организмом, словно у них одно на всех сердце, ведь пчелы работают вместе. Даже убивая в конце лета трутней, чтобы сохранить запасы еды, рабочие насекомые все равно дей-

ствуют слаженно. Танцуя, они общаются друг с другом. Не за один год пришло ко мне понимание, но, когда я осознал все это, мир уже не выглядел прежним.

Летели годы, пустыня неспешно разрасталась, климат становился более засушливым, исчезали реки, фермерам приходилось несладко. Только пчелы стойко переносили жару.

— Посмотри на этих маленьких воинов, — говорила Афра, когда приезжала на пасеки с Сами, крохотным кульком в ее руках. — Посмотри, как они трудятся, даже когда все кругом погибает.

Афра всегда молилась о дожде, потому что боялась песчаных бурь и засухи. В такие дни мы видели с веранды, как небо над городом становилось лиловым, слышали, как свистел воздух. Афра бегала по дому, закрывала двери, окна и ставни.

По субботам мы ездили к Мустафе на ужин. Они с женой готовили вместе: кузен скрупулезно взвешивал каждый ингредиент или специю, словно бы одна крошечная ошибка могла испортить все блюдо. Дахаб была высокой женщиной, примерно одного роста с мужем. Она стояла рядом с ним и качала головой, как если бы перед ней был Фирас или Айя.

— Поторопись, — говорила она. — Такими темпами мы будем ужинать в следующую субботу.

Во время стряпни Мустафа напевал мелодии и каждые двадцать минут выходил во двор на перекур — стоял под цветущим деревом и пожевывал сигарету.

Я присоединялся к нему. В такие минуты он был молчалив, его глаза блестели от кухонной духоты, а мысли блуждали где-то далеко. Мустафа задолго до меня стал подозревать худшее, и я замечал на его лице новые морщины.

Они жили на нижнем этаже многоквартирного дома, а двор был с трех сторон огорожен стенами соседних зданий, благодаря чему сохранялась тень и прохлада. С верхних балконов доносились звуки: обрывки разговоров, музыка, приглушенный шепот телевизоров. Во дворе рос виноградник с гроздьями ягод; одну стену закрывала шпалера, увитая жасмином, а на другой висела полка с пустыми банками и кусками медовых сот.

Большую часть двора занимал металлический стол, стоящий под лимонным деревом, по углам висели кормушки для птиц, а на квадратном участке почвы Мустафа выращивал травы. Многие зачахли от нехватки солнца. Я смотрел, как кузен растирает между пальцами цветок лимона и вдыхает аромат.

Во время таких тихих субботних вечеров он много размышлял, его мысли не могли обрести покоя.

— Ты когда-нибудь представлял себе другую жизнь? — спросил он однажды.

— О чем ты?

— Иногда мне страшно думать, как могла повернуться моя жизнь. Что, если бы я сидел в офисе? А ты бы послушал отца и работал в магазине тканей? Нам стоит за многое быть благодарными.

Я ничего не ответил. Моя-то жизнь могла повернуться как угодно, но Мустафа ни за что не попал бы в офис. Его мрачные мысли были навеяны чем-то другим, он боялся потерять все, словно на ухо ему нашептывало предсказания само будущее.

К негодованию Мустафы, его сын Фирас сидел за компьютером, не желая помогать с приготовлением пищи.

— Фирас! — звал Мустафа, возвращаясь в кухню. — Вставай, пока не прилип!

Но тот и не думал уходить из гостиной, сидя на плетеном стуле в своей футболке и шортах. Этот долговязый и лохматый двенадцатилетний парнишка с удлинённым лицом улыбался в ответ отцу так, как скалится борзая салюки, которую можно увидеть в пустыне.

Айя, всего на год старше брата, брала за руку Сами и помогала накрыть на стол. Тогда ему исполнилось три, и он вышагивал, как маленький человек с важной миссией. Она давала ему пустую тарелку или чашку, чтобы

он чувствовал сопричастность. У племянницы были длинные золотистые волосы, как у матери, и, когда Айя наклонялась, Сами тянул ее за кудряшки и смеялся, видя, какие они упругие — точно пружинки. И вот мы уже все помогали, даже Фирас, которого за худую руку стаскивал со стула Мустафа. Мы выносили во двор дымящиеся блюда, разноцветные салаты, соусы и хлеб. Иногда готовили суп с красной чечевицей и сладким картофелем, приправляя кумином, или же говядину с кабачками, фаршированные артишоки, рагу с зеленой фасолью, салат с булгуром и петрушкой или шпинат с кедровыми орешками и гранатом. Затем была пахлава в медовом сиропе и сладкие пончики аль-лугаймат или консервированные абрикосы, приготовленные Афрой. Фирас болтал по телефону, а Мустафа выхватывал трубку из его рук и прятал в пустой банке, но никогда по-настоящему не злился на сына — даже в споре между ними сквозила ирония.

— Когда я смогу забрать телефон? — спрашивал Фирас.

— Когда снег в пустыне выпадет.

На столе появлялся кофе, и Фирас забирал телефон.

— В следующий раз я положу его вовсе не в пустую банку! — угрожал Мустафа.

Во время кухонных хлопот и застолья Мустафа всегда был счастлив. Позже, когда седи-

лось солнце, нас окружал аромат ночного жасмина, воздух становился густым и неподвижным. Кузен опускал голову в раздумьях, и я понимал, что тишина и темнота приносили с собой эхо будущего.

— Что такое, Мустафа? — сказал я однажды вечером, когда Дахаб и Афра загружали после ужина посудомойку. Веселый смех Дахаб улетал мимо окон в ночное небо. — В последнее время ты сам не свой.

— Политическая ситуация совсем плоха, — сказал он.

Я знал, что Мустафа прав, хотя никто из нас не хотел об этом говорить. Кузен затушил сигарету и тыльной стороной ладони потер глаза:

— Скоро станет и того хуже. Мы ведь знаем это, да? Но пытаемся жить как прежде.

Мустафа затолкал в рот пончик, словно подчеркивая свои слова. Стоял конец июня, а в марте уже началась гражданская война и протесты в Дамаске, принесшие в Сирию волнения и жестокость. Должно быть, я опустил взгляд, и Мустафа заметил на моем лице тревогу. Когда я снова поднял глаза, он улыбался:

— Вот что, давай-ка создадим для Айи новые рецепты? У меня есть несколько идей. Как тебе эвкалиптовый мед с лавандой?

Его глаза засверкали, когда он принялся обдумывать новый вид мыла. Он позвал Айю с ноутбуком, чтобы вместе разработать точный состав. В то время ей было всего четырнадцать,

но Мустафа решил ее всему научить. Айе пришлось играть с Сами — тот просто обожал ее! Он бегал за ней хвостиком и постоянно выискивал ее своими большими серыми глазами. Того же цвета, что у его матери. Как камень. Такие бывают у младенцев, до того как измениться и стать карими. Однако его глаза не изменились, но и не поголубели. Сами повсюду ходил за Айей, тянул за юбку, тогда она брала его на руки и показывала птиц у кормушек, насекомых и ящериц, которые ползали по стенам и бетонному дворику.

В каждом новом рецепте Мустафа и Айя внимательно подбирали пигменты и кислоты, минералы каждого вида меда, чтобы создать «идеальную комбинацию», как говорил кузен. Они смотрели на густоту меда, его зернистость, способность поглощать влагу из воздуха, может ли он испортиться. Я, конечно, вносил свои предложения, которые принимались с радужными улыбками, но именно мозг Мустафы трудился не хуже пчел. Он помогал делу своими гениальными идеями, а я претворял их в жизнь.

Такими вечерами, среди ароматов абрикоса и ночного жасмина, когда Фирас сидел за компьютером, а рядом с нами Айя держала на руках Сами, жующего ее волосы, когда с кухни долетал смех Афры и Дахаб, — такими вечерами мы все еще были счастливы. Жизнь

походила на нормальную, на время мы забывали о тревогах, стараясь не выпускать их наружу, держа под замком в темных переулках сознания, и строили планы на будущее.

После первой волны протестов Дахаб и Айя покинули страну. Мустафа убедил их ехать без него. Когда его страхи подтвердились, он быстро устроил все для жены и дочери, а сам задержался присмотреть за пчелами. Тогда мне казалось, что он чересчур суетится, что, потеряв в детстве мать, теперь слишком опекает своих женщин, но только благодаря этому Дахаб и Айя уехали в первых рядах и не пострадали от того, что вскоре последовало. У Мустафы жил в Англии друг, профессор социологии, перебравшийся туда несколько лет назад по работе. Он позвонил Мустафе и настоятельно советовал ему приехать в Великобританию, утверждая, что вскоре ситуация еще больше усугубится. Мустафа дал родным денег на дорогу, а сам остался в Сирии с Фирасом.

— Нури, я не могу вот так бросить пчел, — сказал он как-то вечером, поглаживая широкой ладонью бороду, потом потирая лицо, словно старался стереть мрачное выражение. — Пчелы же наша семья.

Еще некоторое время, пока ситуация совсем не ухудшилась, Мустафа и Фирас могли приходить к нам на ужин: мы вместе сидели на веранде и смотрели на лежащий внизу город,

слушая грохот бомб вдалеке и следя за поднимающимся столбом дыма. Позже, когда все стало хуже некуда, мы стали обсуждать совместный отъезд. Собирались вокруг моего глобуса, подсвеченного в тени сумерек, и Мустафа водил пальцем по маршруту Дахаб и Аيي. Им было проще покинуть страну. В толстом кожаном портмоне Мустафа хранил имена и номера различных контрабандистов. Мы пролистывали журналы, сверяя финансы, подсчитывая возможную стоимость побега. Предугадать было сложно, ведь проводники через границу меняли расценки, как им вздумается, но мы выработали план, а Мустафа обожал составлять списки и продумывать маршруты. Они давали ему чувство безопасности. В глубине души я понимал, что все это пустые разговоры: Мустафа не мог оставить пчел.

Однажды вечером в конце лета вандалы разрушили ульи. Подожгли все, а когда мы добрались до пасеки, ничего не осталось. Мертвые насекомые, обугленное поле. Мне не забыть той нескончаемой гнетущей тишины. Тучи пчел, летавших над полем, исчезли. Над нами раскинулось безмолвное небо, наполненное светом. Я стоял и смотрел на разгромленные пчелиные домики в лучах солнца, ощущая пустоту, тихое небытие, проникающее в легкие с каждым вздохом. Мустафа опустился на землю посреди поля, скрестив ноги,

и закрыл глаза. Я прошелся по кругу в поисках живых пчел, давя тех ногой, ведь у них не осталось ни улья, ни колонии. Большинство жилищ полностью рассыпались, другие стояли как скелеты, я все еще мог сосчитать их: двенадцать, двадцать один, сто двадцать один... Колонии трех поколений пчел. Я лично делил ульи. Теперь их не стало. Я вернулся домой и уложил в постель Сами, посидел рядом, пока он не уснул, потом вышел на веранду, устремив взгляд в темнеющее небо и на мрачный город под нами.

У подножия холма текла река Кувейк. В прошлый раз, когда я видел ее, там плавал мусор. Зимой оттуда выловили тела мужчин и мальчиков. Их руки были связаны, головы прострелены. В тот зимний день в Бустан-аль-Касре, южной провинции Алеппо, я лично наблюдал, как достают их тела. Я шел следом вплоть до старой школы, во дворе которой уложили трупы. В окнах здания стояла темнота, в ведре с песком горели свечи. К двери прислонилась женщина средних лет, принеся ведро с водой. Она сказала, что пришла омыть лица мертвых, чтобы любимые смогли их узнать. Будь я одним из тех мужчин, Афра взобралась бы на гору, чтобы найти меня. Или нырнула на дно той реки. Но все это до того, как она лишилась зрения.

До войны Аффа была другой. Вокруг нее всегда царил хаос. Если она стряпала в кухне, мука находилась на всех поверхностях, даже на Сами. Когда она рисовала, то учиняла ужасный беспорядок. Если Сами тоже рисовал, было и того хуже — казалось, краска разбрызгана повсюду. Аффа и говорила всегда взახлеб: слова слетали с ее губ, следом за ними другие. Иногда она перебивала саму себя. Смеялась она так громко, что дрожал весь дом.

Но когда Аффа грустила, весь мой мир погружался во тьму. Я ничего не мог поделать. Она была сильнее. Рыдала, как ребенок, смеялась так, словно звенели колокола, а прекраснее ее улыбки я ничего на свете не видел. Она могла спорить часами. Аффа любила, ненавидела, дышала этим миром так, словно он — прекрасная роза. За все это я любил ее больше жизни.

Она создавала удивительные картины. Получала за них награды, изображая городские и сельские виды Сирии. Воскресным утром мы шли на рынок и устанавливали палатку напротив Хамида, продавца специй и чая. Она находилась в крытой части базара. Там было темновато и затхло, но даже туда долетали ароматы кардамона, корицы, аниса и миллиона других специй. В тусклом свете пейзажи Аффы тоже не были статичными. Казалось, и небо, и вода были в непрерывном движении.